

УДК 811.111'42

DOI: [https://doi.org/10.18524/2307-4604.2019.2\(43\).186241](https://doi.org/10.18524/2307-4604.2019.2(43).186241)

СЕНСОРНАЯ ЛЕКСИКА АНГЛИЙСКОГО, УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА, ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Статья 3

Колегаева И.М.

доктор филологических наук, профессор,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
ORCID 0000-0002-5073-2184
Researcher ID: AAE-2901-2019

Сенсорная лексика, рассматриваемая в нашем исследовании (в цикле из трех статей) – это адъективные единицы английского, украинского и русского языков, вербализующая кванты чувственной (сенсорной) информации. К таким квантам относятся ощущения, получаемые по каналам двух модальностей: густаторной (чувство вкуса) и визуальной, а именно колористической (восприятие цвета). Прилагательные густаторной и колористической семантики демонстрируют большой потенциал семантической деривации в процессе развития языка. В рамках данной публикации рассмотрены оценочная, метафорическая и символическая мотивация семантического расширения соответствующих слов, которая изучена в культурологическом, психолингвистических и когнитивном ракурсах. Густаторный код человеческого восприятия и вербального означивания окружающего мира коррелирует с базовыми, «физиологическими потребностями» человека (по Маслоу), в частности с потребностями в пище и питье. Кроме того, вкусовые ощущения, по свидетельству физиологов, возникают первыми в процессе онтогенеза человека и впоследствии достаточно четко коррелируют с оценкой вкусно / невкусно. Совокупность этих двух факторов является объяснением, почему единицы данной микрогруппы во всех трех языках оказываются гомогенно (100%) многозначными и оценочно коннотированными, в основном с оценкой (-), которая совпадает во всех языках. Колористический код менее гомогенен, не все единицы данной микрогруппы являются полисемантами, и оценочность производных единиц варьирует от знака (+) к знаку (-) и от языка к языку. Метафоричность лексических единиц английского, украинского и русского языков, которые сначала номинируют цвет, не столь всеобъемлюща, как у единиц вкусовой семантики, и довольно пестрая от языка к языку. Поиски метафорической мотивации в развитии семантики сенсорных прилагательных представляют значительную сложность, мотивация нередко затемнена. Исключительной особенностью колористических прилагательных является увеличение их полисемии за счет появления семем с символической семантикой. Словари регистрируют немногочисленные случаи таких единиц. В нашей выборке они образуют оппозитивные пары для обозначения противопоставленных друг другу политических сил или движений. Это цвета красный VS белый (красное движение VS белое движение в революции 1917 г. в России) и red VS blue (red states VS blue states в политической жизни современных США).

Ключевые слова: сенсорная лексика, семантическая деривация, оценочная, метафорическая и символическая мотивация.

СЕНСОРНА ЛЕКСИКА АНГЛІЙСЬКОЇ, УКРАЇНСЬКОЇ ТА РОСІЙСЬКОЇ МОВ: СЕМАНТИЧНА ДЕРИВАЦІЯ В СИСТЕМІ МОВИ, ЛІНГВОКОГНІТИВНИЙ І ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТИ

Стаття 3

Колегаєва І.М.

доктор філологічних наук, професор,
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова

Сенсорна лексика, аналізована в нашому дослідженні (в циклі з трьох статей), – це ад'єктивні одиниці англійської, української та російської мов, які вербалізують кванти чуттєвої (сенсорної) інформації. До таких квантів відносяться відчуття, одержувані по каналах двох модальностей: **густаторній** (відчуття смаку) і **візуальній**, а саме **колористичній** (сприйняття кольору). Прикметники густаторної і колористичної семантики демонструють великий потенціал семантичної деривації в процесі розвитку мови. В рамках даної публікації розглянуто **оцінну, метафоричну і символічну** мотивацію семантичного розширення відповідних слів, яка вивчена в культурологічному, психолінгвістичному і когнітивному ракурсах. Густаторний код людського сприйняття і вербального означування навколишнього світу корелює з базовими, «фізіологічними потребами» людини (по Маслоу), зокрема з потребами в їжі і питті. Крім того, смакові відчуття, за свідченням фізіологів, виникають першими в процесі онтогенезу людини, і згодом досить чітко корелюють з оцінкою смачно / несмачно. Сукупність цих двох факторів є поясненням, чому одиниці даної мікрогрупи у всіх трьох мовах виявляються гомогенно (100%) полісемічними і оціночно конотованими, переважно з оцінкою (-), яка збігається в усіх мовах. Колористичний код менш гомогенний, не всі одиниці даної мікрогрупи є полісемантами, і оцінність похідних одиниць варіює від знака (+) до знака (-) і від мови до мови. Метафоричність лексичних одиниць англійської, української та російської мов, які спочатку номінують колір, не настільки всеосяжна, як у одиниць смакової семантики, і досить строката від мови до мови. Пошуки метафоричної мотивації в розвитку семантики сенсорних прикметників становлять значну складність, мотивація нерідко затемнена. Винятковою особливістю колористичних прикметників є збільшення полісемії за рахунок появи семем з **символьного** семантикою. Словники реєструють нечисленні випадки таких одиниць. У нашій вибірці вони утворюють опозитивні пари для позначення протиставлених один одному політичних сил або рухів. Це кольори червоний VS білий (червоний рух VS білий рух в революції 1917 р в Росії) і red VS blue (red states VS blue states в політичному житті сучасних США).

Ключові слова: сенсорна лексика, семантична деривація, оцінна, метафорична і символічна мотивація.

SENSORY VOCABULARY OF THE ENGLISH, UKRAINIAN AND RUSSIAN LANGUAGES: SEMANTIC DERIVATION IN THE LANGUAGE SYSTEM, LINGUOCOGNITIVE AND LINGUOCULTURAL ASPECTS

Article 3

Kolegaeva I.M.

doctor of philological sciences, professor,
Odessa I.I. Mechnikov national university

The sensory vocabulary considered in our study (in a cycle of three articles) are English, Ukrainian and Russian adjectives, verbalizing quanta of sensory information. Such quanta include sensations obtained through the channels of two modalities: a **gustatory** one (sense of taste) and visual, namely **coloristic** one (color perception). Adjectives of the gustatory and color semantics demonstrate the great potential of semantic derivation in the process of language development. In the framework of this publication, **evaluative, metaphorical** and **symbolic** motivation of the semantic expansion of the corresponding words is considered in the cultural, psycholinguistic and cognitive perspectives. The gustatory code of human perception and verbal designation of the world correlates with the basic, "physiological needs" of a person (according to Maslow), in particular with the needs for food and drink. In addition, taste sensations, according to physiologists, arise first in the process of ontogenesis of a person, and subsequently quite clearly correlate with the assessment of tasty / tasteless. The combination of these two factors is an explanation of why the units of this microgroup in all three languages turn out to be homogeneously (100%) polysemantic and evaluatively connotated, mainly with a negative evaluation, which coincides in all languages. The coloristic code is less homogeneous, not all units of this microgroup are polysemants, and the evaluation of derived units varies from a sign (+) to a sign (-) and from language to language. The metaphoric quality of English, Ukrainian and Russian lexical units, which first meaning is color, is not as comprehensive as that of the units of taste semantics, and quite variegated from language

to language. The search for metaphorical motivation in the development of semantics of sensory adjectives is of considerable complexity, motivation is often obscured. An exceptional feature of coloristic adjectives is an increase in their polysemy due to the appearance of a sememe with **symbolic** semantics. Dictionaries record a few cases of such units. In our sample, they form opposing pairs to denote opposed political forces or movements. These are the colors red VS white (red movement VS white movement in the 1917 revolution in Russia) and red VS blue (red states VS blue states in the political life of modern USA).

Key words: sensory vocabulary, semantic derivation, evaluative, metaphorical and symbolic motivation.

Введение

Данная публикация завершает собою цикл статей, посвященных лингвокогнитивному изучению сенсорной лексики, проводимому на материале адъективных номинаций *колористического* и *густаторного* кодов английского, украинского и русского языков. Предыдущие этапы исследования раскрыли особенности семантики имен прилагательных, которые называют **вкусовые** характеристики (4 основных вкуса: *горький, сладкий, кислый, солёный*) и **цветовые** характеристики (2 ароматических и 7 хроматических цветов: *черный, белый и красный, оранжевый, желтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый*) в трех языках. Указав на принципиальную неточность и условность семантики сенсорных прилагательных, которые, по словам Е.Кубряковой, «не имеют автономного природного существования и привязаны к объектам, представляя собой некую отвлечённую сторону их бытия» (Кубрякова 2004: 285), мы исследовали культурно обусловленную связь между именем прилагательным, номинирующим сенсорную характеристику, и объектом, которому присуща номинируемая характеристика.

В частности, Ортега-и-Гассет говорил, что восприятие цвета возможно исключительно «совместно с поверхностью той или другой формы. И наоборот, поверхность не может быть воспринята отдельно от цвета. Поверхность и цвет обречены на сосуществование» (Ортега-и-Гассет 1990: 73). В статье 1 данного цикла был обоснован тезис о том, что такое «сосуществование» отражается в словарных дефинициях узуальных номинаций сенсорных прилагательных, фиксирующих *филогенетически устоявшиеся* пары чувственно воспринимаемого объекта и его прототипической сенсорной характеристики. Подобный объект (носитель характеристики) мы назвали **сенсорным образом-прототипом**, например, *красный* [цвет *крови*], *кислый* [вкус *лимона*].

Выполненный анализ показал, что все *колористические* номинации и подавляющее большинство *густаторных* номинаций имеют подобный образ прототип. Единственным исключением оказался *горький* вкус. В его дефиниции ни в одном из толковых словарей трех языков нет отсылки к какому-либо прототипическому объекту-носителю соответствующей характеристики, как это имеет место, например, в дефиниции *сладкого* вкуса (образ-прототип – *мёд*) или прочих сенсорных прилагательных (*белый* – *снег*, *зелёный* – *трава*, *голубой* – *небо* и т.д.). Определяя значение прилагательных *bitter, girкий, горький*, словари характеризуют этот вкус как *острый, неприятный, резкий, едкий* и противопоставляют его *сладкому* вкусу. Корреляции с каким-либо объектом-носителем данной вкусовой характеристики в словарных дефинициях нет.

В нашем исследовании интерес представляют т.н. «сенсibiliи», так Джон Остин в своих лекциях по теории восприятия (прочитанных в Оксфорде в 1947 году) назвал данные чувственного опыта человека, позаимствовав термин у Аристотеля, чей трактат «О чувстве и чувствуемом, или О чувстве и восприятии» был издан в одном из переводов на английский как «Sense and Sensibilia» как аллюзия на название знаменитого романа Джейн Остин «Sense and Sensibility» (1811г.), хотя существует классический вариант перевода аристотелевского трактата на английский язык «On Sense and the Sensible» (Aristotle). В 1962 году была издана книга Джона Остина (John Austin) под редакцией его бывшего студента Дж. Уорнака, озаглавленная именно «Sense and Sensibilia». В фокусе нашего внимания в данной публикации находятся данные чувственного опыта, или (в терминах Дж.Остина) «сенсibiliи», превращаемые в языковые знаки, в частности в слова сенсорной семантики, которые, становясь единицами лексической системы языка, начинают «жить своей жизнью».

Лингвокогнитивная парадигма, в рамках которой выполнено трех-этапное исследование сенсорной лексики, показала ступени переработки сигналов чувственных модальностей (визуальной и густаторной) в сигналы языкового кода (адъективные номинации цвета и вкуса). С применением метода **дефиниционного анализа** была рассмотрена семантическая структура сенсорных прилагательных и варианты ее развития в **диахронии**, **сопоставительный** метод позволил выделить особенности семантической деривации как общие для всех трех языков, так и различающиеся от языка к языку. **Лингвокультурологический** ракурс в анализе языкового материала оказался полезным при поиске причин динамического развития семантики *цветообозначений* и номинаций *вкусовых* характеристик в каждом из языков. **Психолингвистический** подход помог проследить филогенетически обусловленную взаимосвязь иерархии потребностей человека как биологического вида и члена социума (пирамида Маслоу) с процессами семантической динамики изучаемой сенсорной лексики.

Результаты и обсуждение

Общая выборка анализируемых в нашем исследовании единиц составляет в целом 40 словарных статей английского, украинского и русского языков. Из них 28 статей прилагательных **цветообозначений**: (1) *black*, чорний, черный; (2) *white*, білий, белый; (3) *red*, червоний, красный; (4) *orange*, оранжевий/жовтогарячий, оранжевый; (5) *yellow*, жовтий, желтый; (6) *green*, зелений, зелёный; (7) *blue*, синій – голубий/блакитний, синий – голубой; (8) *violet*, фіолетовий, фиолетовый и 12 статей прилагательных **вкуса**: (1) *bitter*, гіркий, горький; (2) *sweet*, солодкий, сладкий; (3) *sour*, кислий, кислый; (4) *salt*, солоний, солёный.

Поскольку изучение сенсорных прилагательных проводилось в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом ракурсе, то нас интересовали механизмы перехода квантов первосигнальной информации – ощущений (сенсорные *восприятия* вкуса и цвета) в кванты второсигнальной информации – слова (*оязыковление* этих ощущений) и закрепление этих переходов в системе языка вообще и национального языка в частности.

Материалом исследования послужили толковые словари английского, украинского и русского языков, которые фиксируют сведения о *теперешнем* состоянии анализируемых языковых единиц, берущих начало от вербального закрепления *чувств* ощущений. Акцентируем тезис о теперешнем состоянии потому, что процесс языкового развития увлек эти словесные знаки порой далеко от первоначальных обозначений чувственных ощущений. Семантическая деривация слов сенсорной семантики предлагает любопытный материал для наблюдений, как в когнитивном, так и культурологическом ракурсах. Данные этимологических словарей помогли выявить этимоны изучаемых слов и таким образом высветить их внутреннюю форму.

Подавляющее большинство слов нашей выборки составляют полисеманты (это единицы, в которых словари регистрируют от 3 до 17 узуальных семем «под крышей» единой лексемы). По типам сенсорики эти показатели не одинаковы. *Густаторные* (вкусовые) номинации полисемантны все без исключения. *Колористические* номинации содержат некоторое количество моносемантных лексем, т.е. таких, в которых словари регистрируют только обозначение определенного участка цветового спектра. По выборке их насчитывается 6 единиц: по трем языкам *violet*, *фіолетовий*, *фиолетовый*; по двум *жовтогарячий*, *оранжевий*; только в одном языке *блакитний*. Итого выборка на 85% состоит из полисемантов, и 15% в ней занимают моносеманты.

Дальнейшие рассуждения в данной завершающей статье цикла касаются исключительно полисемантов, это 34 словарные статьи. Таким образом *частная выборка* включает 22 *колористические* и 12 *густаторных* номинаций, чья изначальная сенсорная, чувственная семантика (обозначение *цвета* и *вкуса*) послужила отправной точкой для дальнейшего расширения семантической структуры прилагательного.

Метонимический вариант семантической деривации был детально рассмотрен в статье 2 (Колегаева, 2019), синестезия и метафтонимия подробно обсуждались в статье 1 (Колегаева, 2018). В заключительной 3 статье обратимся к другим вариантам семантического расширения структуры изначально сенсорных прилагательных, т.е. адъективных лексем, чья *основная семема* является номинацией густаторной или колористической характеристики. От основной семемы вкуса/цвета со временем отпочковывались новые также сенсорные семемы той же или иной модальности (густаторной/зрительной/ольфакторной), но уже с добавлением оценочного компонента, и часто с метонимическим или метафорическим сдвигом. В последних случаях сенсорный компонент значения становился маргинальным или исчезал вовсе. В данной статье изучаются оценочные, метафорические и символические сдвиги в семантике словарных единиц, изначально номинирующих кванты чувственной информации.

Оценочность присуща большинству производных семантических образований в пределах сенсорных лексем анализируемой выборки. Филогенетически **вкусовые** ощущения человека в процессе познания и осознания им окружающего материального мира оказывались базой для познания,

осознания и ословливания иных, часто уже не материальных сущностей. Оценка со знаком (+) или (–) приписывалась этим сущностям по аналогии с приятными или неприятными вкусовыми ощущениями.

Например, сладкий вкус почти всегда был приятен человеку и, соответственно, позитивная оценка чего-либо (даже того, что не воспринимается его вкусовыми рецепторами) приписывалась данным сущностям и выражалась соответствующим прилагательным. Появлялась отдельная, новая семема в пределах сенсорной лексемы исключительно со значением позитивной оценки: *sweet* [smth pleasant and attractive], *сладкий* [приятный, доставляющий удовольствие]. Излишняя сладость чего-либо съестного в чувственном опыте оценивалась как неприятный вкус, что породило в некоторых языках появление семемы со значением негативной оценочности: *солодкий* [нешироко люб'язний, облесливий], *сладкий* [льстивый, лицемерный]. В английском языке словари не регистрируют такой семемы.

Большинство единиц *густаторной* группы все же имеют однозначную оценочность, причем преимущественно негативную: кислый, горький, солёный вкус во всех языках имеет негативно оценочную семантику, которая может наслаиваться на метафорический или метонимический сдвиг *to cry bitter tears* = неприятные, т.е. *горькие* чувства, эмоции (метафора) → проливаемые в таком состоянии *горькие* слезы (метонимия). В итоге наблюдаем семантическое явление метафтонимии с оценочным компонентом новообразованной семемы.

Развитие языка приводит к поиску номинаций для всё новых и новых сигнификатов (пучков семантических признаков). Универсальный закон экономии побуждает говорящих использовать уже имеющиеся десигна-ты. Это означает, в частности, что в процессе языкового развития (этапы которого не всегда очевидны) в изначально сенсорной лексеме появится семема с новым, к примеру, чисто оценочным значением, в котором собственно чувственный компонент сильно затушеван, например, *sour* [unpleasant, distasteful look], *солёный* [непристойный, грубый (*о речу*)], *salt* [sharp, pungent *satire*].

Интересный путь развития густаторной лексики раскрывается благодаря этимологическому ракурсу исследования. Так, например, в славянских языках названия сладкого вкуса восходят к праславянскому *solidъ-kъ, которое первоначально означало [солёный, вкусный, пряный]. Иными словами, как солёный, так и сладкий вкус назывались одинаково и оба оценивались положительно. Дифференциация появилась позднее, развились различные номинации для каждого из этих вкусов: отдельно для солёного, отдельно для сладкого, и оценочность стала также различной: негативная для солёного, позитивная для сладкого.

Этимологическая разведка в области англоязычных густаторных номинаций объясняет появление стойких оценочных значений в некоторых изучаемых здесь именах прилагательных. Так, например, мы предполагаем, что горький вкус стойко ассоциируется с негативом не только потому, что он неприятен густаторно, но и потому, что в английском языке имя прилагательное *bitter* в развитии своей семантики перекликается с внутренней

формой слова. Прилагательное восходит к староанглийскому *bitter*, берущему начало от индо-европейского корня *bheid-* [to split, bite] = *кусать*. Нечто похожее происходит также с английской номинацией кислого вкуса: прилагательное *sour* в староанглийском было *sūr*, родственное с литовским *surus* и русским *суровый* [raw, coarse, harsh, rough] = *сырой, грубый, суровый*. Оценочные семантические наслоения в этих лексемах трактуем как отголоски их этимологических значений, отложившихся в культурной памяти говорящих.

Сравним номинации этой же густаторной палитры в славянских языках. Имена прилагательные *гіркий* и *горький* в украинском и русском языках, согласно данным этимологического словаря М.Р.Фасмера (Этимологический словарь), восходят к глаголу *гореть*, что предположительно отложилось в памяти носителей языка как болезненное, а значит неприятное, ощущение от соприкосновения с огнем. Имена прилагательные *кислий* и *кислый* восходят, по предположению, словаря к др.-инд. *kuthitas* со значением [вонючий], т.е. также неприятный, негативно оценочный.

Именно история появления и развития соответствующих имен прилагательных *густаторной* семантики, по нашему убеждению, объясняет особенности последующих негативных оценочных наслоений в их значениях.

Итак, имена прилагательные, называющие человеческие ощущения вкусовой модальности, во всех трех языках с ходом исторического развития расширяли свою семантику за счет появления аксиологической семы, преимущественно негативной, т.к. общеизвестно, что отрицательная оценочность распространена в языке многократно больше, чем положительная и, по утверждению Е.М. Вольф, «способы отрицательной оценки более разнообразны в собственно семантическом плане» (Вольф 2006: 20).

Что касается имен прилагательных, называющих человеческие ощущения, которые поступают по каналам *зрительной* модальности, в частности ощущения *цвета*, то все они также демонстрируют развитие своей семантической структуры за счет прибавления семы оценочности (напоминаем, что здесь не рассматриваются моносемантические цветообозначения, о которых упоминали выше).

Проследить филогенетический процесс образования оценочных наслоений в *колористической* лексике не так просто, как в *густаторной*. Цветощущения человека напрямую не связаны с оценочными характеристиками «приятный VS неприятный», как это наблюдается у вкусовых ощущений. Причина, на наш взгляд, кроется в развитии человеческих потребностей в ходе филогенеза. Вкусовые ощущения играли значительно более важную роль в жизнеобеспечении человеческого вида.

Здесь необходимо вспомнить знаменитую «пирамиду Маслоу». Так в мировой науке называют теорию, разработанную Абрахамом Маслоу (1908-1970) и обозначенную автором как «иерархия потребностей», согласно которой потребности человека иерархически соположены: от низших – физиологических – к более высоким – социальным, эстетическим и духовным потребностям, или мотивациям. А. Маслоу в своих фундаментальных публикациях (Maslow 1943 и Maslow 1954) утверждает, что поведенческая

мотивация человека как в филогенезе, так и в онтогенезе базируется на подчинении одних потребностей другим, и пока не удовлетворены потребности низшей ступени иерархии, не могут быть востребованы и удовлетворены потребности более высокой ступени. Ступени иерархической лестницы А. Маслоу обозначил как *needs* (*потребности*) и расположил их по возрастающей: «*physiological*», «*safety*», «*belonging and love*», «*social needs*» от «*esteem*», «*self-actualization*».

Видим, что базовыми, первоначальными оказываются **физиологические потребности**. По утверждению психолога Б.Д. Карвасарского, «потребности низших уровней являются генетически более ранними и имеют большее значение для выживания, чем потребности более высоких уровней» (Карвасарский 2004: 87). К таким потребностям относится утоление голода, жажды, сна, сексуальной потребности и т. п. Обратим внимание на базовую потребность в утолении голода и жажды. «Человеческий ум формировался в процессе постоянного удовлетворения *биологических* нужд человека. Сначала он овладевал окружающими человека конкретными (чувственно воспринимаемыми – И.К.) предметами, составляя о них представления. Они и образуют наиболее древний слой нашего сознания» (Ортега-и-Гассет 1990: 75).

Как видим, *вкусовые* ощущения (то, как человек воспринимает еду и питье вкусовыми рецепторами) играли чрезвычайно важную роль в процессе человеческого познания мира и *выживания* в мире. Соответственно, кванты информации, получаемые по каналам густаторной модальности, прочно запечатлевались в филогенетической памяти человека как *биологического* вида. Впоследствии они трансформировались в ощущения человека как *социального* существа, преобразуясь в ходе исторического развития в кванты информации, лишенной своей изначальной чувственной «привязки». На базе сенсорной лексики *вкуса* развились лексические единицы иной, часто образной и всегда оценочной семантики. По данным С.Л. Рубинштейна, «вкусовые ощущения, порождаемые химическими веществами, влияя на вегетативные функции, обуславливают *приятный* или *неприятный* эмоциональный фон самочувствия» (Курсив наш – И.К.) (Рубинштейн 2002: 241). По данным нашего исследования, это ясно прослеживается в оценочных наслоениях прилагательных вкуса во всех трех языках. Не случайно один из видов частнооценочных значений носит название «*сенсорно-вкусовые*, или гедонистические» (Вольф 2006: 27). Е.М. Вольф разъясняет, что «прилагательные, которые сочетают оценочный смысл с дескриптивным (напомним, их называют частнооценочными в отличие от общеоценочных «хорошо»/«плохо»), составляют непрерывный ряд, где эти смыслы комбинируются в разной пропорции» (Вольф 2006: 29).

С *цветообозначениям* ситуация несколько иная. Восприятие *цвета* объектов окружающего мира вряд ли было столь же важным при удовлетворении **физиологических потребностей** базового уровня (голода, жажды, сна, секса). Скорее всего, подобные кванты информации получили особую ценность позднее, на более высоком уровне филогенеза при обеспечении потребностей второй ступени иерархической пирамиды – *по-*

требности в безопасности. Визуальный канал ощущений в этом случае предоставлял кванты информации (в том числе цветового спектра), имевшей жизненную важность для распознавания в окружающей среде объектов, которые могут быть источниками опасности, а значит, таких, которых нужно избегать, предпринимать меры защиты и т.д. (желтый обжигающий или разрушительный огонь, дикие звери определенной окраски, цвет неба как предвестник грозы, непроглядная черная ночь и т.п.). Потенциально безопасные объекты оценивались нейтрально или в определенных ситуациях – положительно.

Предполагаем, что таким образом формировалась *оценочная* дифференциация *цветовых* восприятий. Кванты этой информации не были столь жестко «привязаны» к оценке (+), (–), как это наблюдаем у вкусовых восприятий. Это нашло свое отражение и в языковом означивании цветоощущений.

В анализируемой лексической микрогруппе (это английские, украинские и русские полисеманты-цветообозначения) выделяем слова с *однозначной* оценочностью (негативной) и с *амбивалентной* оценочностью (семемы с позитивной и с негативной оценкой лексикографически фиксируются в пределах единой лексемы). К первым относятся прилагательное ахроматического черного цвета и хроматического жёлтого цвета.

Универсально оценочной со знаком (–) является номинация некоторой, не цветовой характеристики, через отсылку к черному цвету. Во всех трех языках словари регистрируют соответствующие семемы: в англоязычной лексеме *black* выделяются семемы, которые дефинируются следующим образом: [bad, without hope e.g. a *black day*], [thoroughly sinister or evil]. В украинском словаре лексема *чорний* имеет такие значения: [тяжкий, безпросвітний (*час*), виснажливий (*хвороба*)], [злісний, підступний, невдячний (*чорна заздрість*)], [негативний, ганебний], [пов'язаний із нечистою силою]. В русском языке адъективная лексема *чёрный* имеет меньше оценочных значений, их только два: [преступный, тяжкий (*чёрная измена*)], [принадлежащий к непривлекательным классам общества]. Все номинации черного цвета в выборке по трем языкам имеют семемы с подобной аксиологичностью, что делает их универсально оценочными со знаком (–). Возможно, в этом проявляется глубинная память человека о черноте ночи как источнике опасности, а «угроза всегда подразумевает знак (–)» (Вольф 2006: 204).

Второй универсально оценочной единицей в микрогруппе цветообозначений выступает лексема, чья основная семема называет цветовую характеристику желтый. От нее отпочковываются новые семемы, чье значение не касается собственно колористики, но в разных языках имеет набор негативно оценочных компонентов значения. В английском языке 3 семемы в лексеме *yellow* содержат такую комбинацию сем, которая образует самостоятельные оценочно коннотированные семемы: [cowardly, mean] – *трусливый, подлый*; [showing jealousy or suspicion] = *ревнивый, подозрительный*, а также семема *yellow* [lurid and sensational (of a style of writing, esp. in journalism)], которая имеет аналоги в других языках, столь же негатив-

но оценочные. В украинском и русском языках от основной семемы *жовтий, жёлтый* отпочковались идентичные метонимически мотивированные семемы – оценочно заряженные квалификаторы периодических изданий бульварного толка [періодичні видання низького ґатунку (*жовта преса*)]. Их анализ см. в статье 2.

Красный, синий (включая голубой), зелёный части цветового спектра и ахроматический белый цвет номинируются амбивалентно оценочными полисемантами, в которых имеются оценочные смысловые наслоения как позитивной, так и негативной оценки.

Ахроматический белый цвет имеет общекультурную позитивную коннотацию, соответствующие слова в каждом из трех языков универсально обозначают чистоту и невинность: *white* [innocent, free from moral impurity], *білий* [чистий, пов'язаний із добром, невинністю]. Кроме общечеловеческих стандартов добра и зла (противопоставление белого и черного цветов), в данной группе лексем (номинаций белого цвета) проявляется культурно специфическая компонента оценочности, такая же, как и в обозначении красной части цветового спектра.

Словари украинского и русского языков регистрируют семемы *білий, белый и червоний, красный*, в которых присутствует идеологически обоснованная оценочность: негативная для белого цветообозначения и позитивная для красного: *білий* [ворожий радянській владі, контрреволюційний (протилежний *червоний*)]. С течением времени и изменением политических и идеологических акцентов в современном обществе подобная оценочная оппозиция теряет свою остроту и однозначность. Вероятно, более поздние словари русского и украинского языков отразят соответствующие семемы уже без оценочных компонентов значения в их дефиниции [ворожий, контрреволюційний] либо же сопровождают статьи комментарием на подобие определения семемы *red* в англоязычном толковом словаре *red* [communist or socialist (*used esp. during the Cold War with reference to the Soviet Union*)]. Темпоральная, территориальная, историческая и идеологическая дистанцированность аудитории англоязычного словаря от дефинируемой реалии отразилась в ее толкование – в нем отсутствует оппозиция белые VS красные, но указаны хронологические и территориальные границы, внутри которых приложима характеристика *красные* (период холодной войны, Советский Союз).

Позитивная оценочность адъективного цветообозначения *красный* имеет место в русском языке [в народной речи для обозначения чего-либо хорошего, яркого, светлого (*красна девица, красный угол*)]. Такая же позитивная оценочность отражена в дефиниционном признаке [ценный] в словарном толковании другой семемы *красный* [для обозначения наиболее ценных сортов чего-либо (*красная рыба*)], иллюстративный пример в словарном толковании эксплицирует метонимическую мотивацию появления данной семемы, т.к. мясо данного сорта рыбы действительно имеет красный цвет.

Палитра оценочных значений и коннотаций очень интересно проявляется в адъективных номинациях синего участка цветового спектра. В ан-

глийском языке полисемант *blue* имеет ряд негативно оценочных семем: [gloomy, depressed], [dismal, dreary a *blue day*], [indecent, risqué a *blue joke, movie*]. Вспомним, что в украинском и русском языках *неприличные* истории, шутки квалифицируются как *солёные*. В обоих случаях задействованы сенсорные ассоциации (цветовые в английском и вкусовые русском/украинском). Соответствующие прилагательные из группы «сенсорно вкусовых оценок» переходят в группу «нормативных» (по классификации Е. Вольф 2006: 27). Причины и этапы развития той или другой ассоциативной цепочки (от оценки цвета/вкуса к оценке этических норм приличия) скрыты в глубинных пластах культуры, быта, истории этносов.

Возвращаясь к цветообозначению синей части спектра именами прилагательными трех языков, напомним, что во всех языках имеется семема с т.н. «размытой семантикой» цветообозначения для характеристики очень бледной кожи: *blue* [having a gray or purplish colour as from cold or contusion], *синій* [з відтінком такого кольору (про обличчя, шкіру)], *синий* [(о коже) сильно побледневший, приобретший оттенок этого цвета] (подробнее см. статью 1). Общекультурный фон знаний носителя языка подсказывает негативную оценочность данных квалификаций, т.к. имплицитно подразумевает некоторую неблагоприятную для человека ситуацию.

Такой же общекультурный фон знаний прогнозирует позитивную оценочность в семеме *blue* [aristocratic, patrician]. Об историческом пути появления данной семемы см. в статье 1. В русском языке аналогичная речевая единица встречается в сочетании *голубая кровь*, однако толковый словарь данную семему не регистрирует.

Слово *голубой* согласно лексикографическим источникам русского языка имеет позитивно оценочное значение [идиллический (*голубая мечта*)], в то же время словари русского языка не регистрируют переосмысленную семему лексемы *голубой*, которая в украинском словаре зафиксирована как отадъективное существительное *голубий* [гомосексуалист]. Сегодняшние жесткие требования политкорректности не позволяют указать на оценочность данной лексической единицы, хотя для широкой аудитории пользователей словаря она недвусмысленна.

Зелёная часть цветового спектра в трех языках обозначается прилагательными *green, зеленый, зелёный*. Каждое из них является полисемантом, большинство семем которого оценочно коннотировано. При этом знак (+) или (–) неодинаково активны в английском и украинском, русском языках. Английское *green* амбивалентно в плане оценочности, в лексеме есть семемы с положительной оценочной семантикой [pleasantly alluring]= *приятный, привлекательный*, [fresh, new]= *свежий, новый*, [youthful, vigorous]= *молодой, энергичный*. Но также есть ряд семем с более или менее ярко выраженной негативной оценочностью: [not ripened or matured], [not ready to eat or (of wood) not dry enough to use]. Обе семемы означают непригодность квалифицируемого объекта к употреблению (плод незрелый, древесина недостаточно сухая), прагматический подход к ситуации подсказывает негативное отношение говорящего к номинируемому объекту. В этих семемах очевиден метонимический сдвиг семантики: характеристика «незрелый»

имплицує реально зелений колір плоду, деревина, яка ще не висохла, також зберігає колір живих гілок – швидше за все зелених.

«Размитість семантики» має місце в характеристиці кольору обличчя як зеленого, і словникова дефініція експліцитно вказує на захворюваність, т.е. небажаність такого стану людини: *green* [marked by a *pale, sickly, or nauseated appearance*].

Метафорический зсув як основа появи окремої семми *green* з абсолютно негативно-оціночним компонентом значення проявляється в слові, що характеризує стан заздрості і ревності: [*envious and jealous green with envy*]. Як бачимо, заперечна оціночність переважає в структурі значень полісемантичної лексики *green*.

В українському і російському мовах семантична деривація номінацій, беручи початок від кольорообозначення зеленого частини спектра, значимо скромніша. Українське прикметникове *зелений* має єдиний оціночно коннотований семем [який не має життєвого досвіду]. Російське прикметникове *зелёный* так же, як і англійське *green*, називає нездоровий колір обличчя [блідий, землистого відтінку], має значення [о плодах: незрілий] і [неопитний по молодості]. Которих-небудь кольорообозначень в номінації негативних емоцій заздрості, підозрливості і ревності в слов'янських мовах немає, тоді як англійська мова оперує різними кваліфікаціями жовта ревність, підозрливість, зелена ревність, заздрість.

Оціночно заряджена вербальна кваліфікація часу через посилання на колір частотна в англійській мові, в якій дні можуть бути білими, голубими, якщо обставини сприятливі, або чорними, якщо трапляються нещастя. В слов'янських мовах нормативним (хоча і не фіксується в словнику) є словосполучення *чорні дні*, однак характеристика днів як білих або голубих не зустрічається. По матеріалах вибірки з словників трьох мов в цілому складається враження, що оціночність як феномен семантичного розвитку кольористическої лексики більше властива англійській мові, ніж російській і українській.

Сенсорні прикметникові (як кольористическої, так і густаторної модальності) в усіх багатоманітності своїх лексико-семантичних варіантів в відволіченні від імен існуючих, котрим атрибутовані відповідні характеристики, називають абстрактні поняття, а значить, згідно визначенню Н.Д.Арутюнової, є лексикою «невидимих світів», котрою «не існувало б без метафори» (Арутюнова 1990: 9).

Метафора як вид семантичної деривації зареєстрована в усіх полісемантах густаторного коду і в переважаючому кількості полісемантів кольористического коду.

Серед номінацій *вкусової* модальності всі чотири досліджувані смаки мають універсальну метафорическу деривацію, т.е. ідентичні або близькі образні значення реєструються в усіх трьох досліджуваних мовах. Лексеми, номінують відповідний смак в основній семемі, містять також семем з метафорически переосмисленою семантикою.

Горький вкус ассоциируется с такими эмоциональными оценками некоторых существ, которые не подлежат вкусовой квалификации: **bitter** [difficult to accept, admit, bear *bitter truth, bitter sorrow*]; **гіркий** [котрий зазнав горя, біди; епітет на позначення тяжкого стану *гіркий досвід, гіркі слова*]; **горький** [горестный, тяжелый].

Сладкий вкус, напротив, ассоциируется с чем-то приятным: **sweet** [pleasing to the mind or feeling, satisfying *sweet revenge*]; **солодкий** [який виражає задоволення, радість (про думки, почуття)]; **сладкий** [приятный, доставляющий удовольствие].

Кислый вкус во всех трех языках фигурирует для образного обозначения человека и его эмоционального состояния: **sour** [cross, sullen, unfriendly or easily annoyed]; **кислий** [незадоволений, пригнічений, сумний]; **кислый** [уныло-тоскливый, выражающий неудовольствие]. Полагаем, что путь образования данной семемы во всех трех языках таков: физиологической реакцией человека на излишнюю кислоту чего-то съеденного является повышенное слюноотделение, оскомины и непровольная гримаса (подробнее см.: Колегаєва 2017). Выражение лица, которое наблюдается у человека недовольного чем-либо, похоже на то, которое возникает как гримаса-реакция на кислое. Данное сходство, а также, возможно, неприятие вечно недовольного человека и послужили «мостиком» для метафорического переноса: *кислый продукт* —>*кислый, недовольный человек*.

В случае солёного вкуса ассоциативные связи с образно переосмысленной новообразованной семемой не столь прозрачны, как в предыдущих трех. Проследить их нам не удалось. Метафорические семемы во всех языках касаются юмора, но имеют некоторые отличия. В украинском и русском языках прилагательные **солоний** и **солёный** имеют негативно окрашенную семантику, поскольку коррелирует с нарушением этических норм приличия: [дотепний, але грубий, непристойний]; [выразительный и резкий до грубости, непристойный]. Английское **salt** обозначает *едкое остроумие* [sharp, pungent *salt wit*], однако без указания на непристойный характер шуток. Толковый словарь английского языка не регистрирует сему *грубый, непристойный* в дефиниционной статье, что делает метафорическое прилагательное **salt (wit)** дескриптивным, безоценочным, в отличие от украинского и русского **солоний** и **солёный** (о шутке, юморе), в которых регистрируем более широкую семантическую палитру: дескрипция (*выразительный, остроумный*) и оценка (*нарушающий этические нормы приличия*).

Согласно нашему исследованию, процесс метафоризации среди английских, украинских и русских имен прилагательных густаторного кода наиболее частотен и вариативен в английском языке. Здесь фиксируем полисеманты с несколькими метафорически мотивированными семемами в пределах единой лексемы. К примеру, прилагательное **bitter**, кроме уже упомянутой семемы (*bitter sorrow*), имеет также другие образно переосмысленные значения: [marked by resentment or cynicism *a bitter old gentleman*] (*желчный*) и [proceeding from or exhibiting strong animosity *bitter struggle, bitter foe*] (*непримиримый*). В этих метафорах свернута цепочка семантических сдвигов: от общеоценочного прилагательного со знаком (–) через при-

ращения уточняющих дескриптивных сем (*resentment, cynicism; animosity*) образуются частнооценочные прилагательные с бóльшим набором семантических компонентов.

В английском языке широко используется прилагательное с позитивной оценочностью **sweet** [much loved, dear]. От изначально сенсорной номинации вкуса сладкий (а значит, приятный) отпочковывается общеоценочное **sweet** (*приятный*), от которого за счет добавления смыслового компонента *чем именно приятный – милый сердцу, дорогой*, образовано существительное-вокатив **sweetheart** = *милочка, лапочка, милый*. Еще одна семема в лексеме **sweet** – это слово-интенсификатор [used as intensive *take your own sweet time; What has happened? – Sweet nothing*]. Здесь, скорее всего, наблюдаем семантически полное слово, используемое в неформальном общении, возможно, как знак доброжелательной тональности. Другая семема этого полисемантического прилагательного, напротив, ярко демонстрирует дескрипцию в комбинации с позитивной оценкой. Имеем в виду прилагательное **sweet** для квалификации чего-либо с точки зрения соответствия некому стандарту качества, умения [skillful, proficient *a sweet golf swing*].

В английском языке семантический компонент *соответствие / несоответствие стандарту качества* прочно «лег» на общеоценочный семантический компонент в густаторно преобразованных прилагательных: **sweet** (*сладкий* → *приятный, хороший* → *умелый*) / **sour** (*кислый* → *неприятный, плохой* → *неумелый*).

Одна из семем английского имени прилагательного, называющего кислый вкус, имеет значение *некачественный, не отвечающий стандарту*: **sour** [bad, wrong, not up to the expected or usual quality *a sour performance, a sour note*] = *неудачное выступление, фальшивая нота*.

Своеобразно развивается семантика вкусового прилагательного **sour** при образовании еще одной метафорической семемы со значением *разочаровавшийся* [disenchanted, hostile *went sour on Marxism*]. Неприятно кислый вкус ассоциативно мотивирует образование номинативной единицы для вербализации оценочного отношения субъекта к объекту, который более не воспринимается положительно, при этом объект оценки далек от вкусовых параметров (*разочаровавшийся в марксизме*). Импликация предшествующей позитивной оценочности, которая уступила место негативной, делает данную словарную единицу весьма емкой в семантическом плане.

Синестетический вариант метафорического переноса регистрируем в семеме **sour** [having a rancid smell *sour breath*], ольфакторная характеристика (*дыхание, имеющее кислый запах*) называется через отсылку к густаторной характеристике.

Метафоризация как способ семантической деривации в сенсорной лексике английского, украинского и русского языков свойствен и *колористической* лексике, хотя и не столь всеохватно, как *густаторной*. Многие из метафорически мотивированных цветообозначений уже упоминались при обсуждении оценочных наслоений в семантике таких прилагательных, т.к. метафорический перенос значения в пределах лексемы нередко идет рука об руку с появлением оценочным коннотаций.

Так, например, ахроматическое цветообозначение черного цвета во всех трех языках, как упоминалось выше, служит отправной точкой универсальной метафорической деривации с однозначно негативной оценочностью: **black** [very sad, gloomy, depressed, cheerless, fool of misery *black thoughts*]; **чорний** [тяжкий, безрадiсний, безпросвітний]; **чёрный** [мрачный, безрадостный, тяжелый *чёрные мысли*]. Обратим внимание, что при толковании эмоционального значения дефиниционные статьи словаря апеллирует к разномодальным каналам чувственной памяти человека: мысли имеют цвет (они *черны*) и вес (они *тяжелы*), мысли лишены освещенности (они *беспросветны*). Метафора одной чувственной модальности синестетически объясняется через метафору другой модальности. Таким образом, еще раз удостоверяемся в ключевой роли метафоры, без которой, как справедливо утверждает Н.Д.Арутюнова, не существует лексики «невидимых миров».

Проследить обоснованность метафорических переносов бывает очень непросто, временами невозможно. Нередко корни таких семантических сдвигов уходят в древнюю историю развития человека как биологического и социального существа. Возможно, универсальная негативная эмоциональность черного цвета кроется в том, что чернота сопряжена с темнотой, отсутствием света. Приведем рассуждения Филиппа Уилрайта: «наиболее очевидным образом свет является условием видимости, он ясно очерчивает контуры, исчезающие в темноте» (Уилрайт 1990: 101). А это сопряжено с возрастающей опасностью, избегать которую человек стремится чтобы удовлетворить свою **потребность в безопасности** – такова вторая ступень иерархии потребностей по Маслоу (**need for security**). Из этого следует, что чернота (темнота) в культурной памяти человека как вида всегда сопряжена с негативом, что и проявляется в оценочности метафор цветообозначений.

Свою лепту в развитие метафорической семантики колорониминаций вносит и культурная матрица человечества, согласно которой злые силы, нечистый дух имеют отношение к миру тьмы, значит, к черноте. В итоге в словаре появляется семема **black, чорний** для обозначения дьявольской атрибуции: [connected with or invoking the supernatural and esp. the devil], [пов'язаний із нечистою силою].

Однако целый ряд семантических дериватов в лексемах с изначальной семемой ахроматической номинации чёрный не поддается убедительной культурной, исторической или иной интерпретации. Значительное количество подобных семем остается загадкой с точки зрения их мотивации.

Мы осторожно относим их к метафорически мотивированным. Например, русское и аналогичное украинское прилагательное **чёрный** [непарадный, не главный, подсобный *чёрный вход*], от которого, возможно, появилась цепочная метафора [нелегальный *чёрный рынок*]. В английском языке словарь фиксирует значение прилагательного **black** [of propaganda: conducted so as to appear to originate within the enemy country and designed to weaken enemy morale]. Аналогичное понятие *чёрная пропаганда* знакомо и носителям русского, украинского языков, хотя и не фиксируется словарями.

Слово идеологически коннотировано как негативно оценочное.

Еще одно значение прилагательного, изначально номинирующего черный цвет, присуще всем трем языкам, хотя словари фиксируют его только в английском языке. Имеем в виду *чёрный юмор*: **black** [characterized by morbid or grimly satiric humour *black comedy*]. Эта семема, вероятно, есть цепочное семантическое развитие выше анализированной семемы негативной эмоциональной оценочности [gloomy, depressed].

Семемой с не прояснённой семантикой является историзм *чёрный* [в древней Руси: государственный, не частновладельческий (*чёрные земли, чёрные крестьяне*)].

Интересно, что в ахроматических номинациях с метафорической семантикой чёрный цвет многократно превосходит белый. В украинском и русском языках лексемы с изначальной ахроматической номинацией белого цвета имеют всего по несколько семем с метонимической мотивацией **білий** [світлошкірий (про расу)] и метафтонимической мотивацией [чистий, випраний] – метонимия, от которой идет дальнейшее, образное развитие [пов'язаний із моральною чистотою, невинністю] – метафтонимия. В английском языке к аналогичным значениям присоединяется еще одно: **white** [favorable, fortunate], а также [not intended to cause harm *a white lie*]. Этим разнообразие значений в лексемах ахроматического белого спектра номинаций ограничивается.

Синий цвет номинируется прилагательными, которые развивают свою семантическую структуру по-разному в каждом из языков. В украинском и русском языках цветообозначения **синій, синий**, кроме названия собственно части цветового спектра, означают бледный цвет лица. Другая номинация данного участка цветового спектра – голубой имеет по одной производной семеме в каждом языке: в русском **голубой** [идиллический *голубая мечта*], в украинском уже упоминавшееся выше отадъективное существительное **голубий** [гомосексуаліст]. Значительно более развернутой оказывается семантическая структура лексемы **blue** в английском языке. Во-первых, это номинация с неясной метафорической мотивацией [gloomy, dismal, depressed, dreary], которая оказывается синонимом к **black** [very sad, gloomy, depressed, cheerless], чья мотивация достаточно прозрачна (апелляция к черноте, темноте – источнику опасности и страха).

Загадочной остается и мотивация метафорической семемы **blue** [indecent, risqué, having sexual or pornographic content *blue joke, blue movie*]. Некоторым образом *непристойность* как характеристика шутки (а в английском языке еще и фильма) в своей номинации опирается на сенсоріку. В украинском и русском языках это – густаторная сенсоріка (*солёная шутка*), в английском языке – визуальная (*blue joke/movie*).

Завершая анализ цветообозначений синего/голубого участка спектра, приведем еще одно наблюдение над «загадочной семантикой» цветообозначений. Прилагательное **blue** имеет уникальную в рамках нашей выборки семему для квалификации мяса определенной степени прожарки [extra-rare (of meat) cooked so that it is still red]. Речь идет об очень слабо прожаренном мясе, приготовленном таким образом, что оно еще не утратило свой крас-

ный цвет. Вопреки объективной цветовой характеристике мяса (red), мясо как блюдо квалифицируется (blue). Возможно, необходимость дифференциации продукта и блюда из него и послужила причиной разной цветовой атрибутивной номинации каждого. Причем убедительно объяснить причину выбора прилагательного **blue** в этом случае сложно, т.к. любая степень прожаренности мяса не соответствует голубому/синему цвету. Возможно, выбор синего объясним по принципу «от противного»: противоположным красному обычно называют синий цвет. Мясо как продукт все еще красное, блюдо из такого мяса для контраста получает характеристику синее.

Загадки метафорических сдвигов семантики в цветообозначениях наблюдаем также в английских прилагательных **green** и **yellow** для обозначения ревности, зависти, подозрительности. О них шла речь выше при обсуждении оценочности сенсорной лексики.

Символьная семантика. Отдельных комментариев заслуживают семантическая деривация, приводящая к появлению семем с символьным значением. Выше упоминалась оценочная оппозиция символьных номинаций белого и красного цветов в русском и украинском языках. Политические коннотации у соответствующих номинаций появились в начале XX века. С. П. Мельгунов в историческом исследовании большевистского движения писал, что во время октябрьских боев 1917 года отряд московской учащейся молодёжи, взявший в руки оружие для отражения большевистского выступления, надел нарукавные опознавательные повязки белого цвета и получил название «белая гвардия» (в противовес большевистской «красной гвардии»). С тех пор противники революции в России получили название **белые**, кроме того выбор белого цвета исторически связывают с монархистами – противниками Французской революции 1789 года (Мельгунов 2007).

С событиями этой же эпохи связывают и выбор красного как цвета революции. Историю появления такой ассоциации объясняет Д. Фельдман, который пишет, что в октябре 1789 г. коммуна Парижа был принят закон о военном положении, согласно которому муниципалитет Парижа должен был вывешивать на ратуше красный флаг в случае угрозы уличных беспорядков, а значит, угрозы коммуне. Из информационного сигнала (о потенциальной опасности) красный флаг превратился в символ революции и в дальнейшем использовался именно в таком значении, прежде всего отрядами красной гвардии, силами которой осуществилась революция 1917 г. в России, и в последующей гражданской войне между белыми и красными (Фельдман 2006). При этом символика красного цвета «приросла» дополнительными смыслами: красный цвет флага уже трактовался как символ крови, пролитой за права рабочих.

Символьное значение цвета (красного для революции, белого для контрреволюции в России) демонстрирует конвенциональность символа как сугубо условного знака некоторого понятия, идеи. А.Ф.Лосев определял символ как «субстанциональное тождество идеи и вещи» (Лосев 1993: 635), мы добавим: «тождество идеи и цвета». Здесь необходимо упомянуть уточнение, о котором пишут М.К.Мамардашвили и А.М. Пятигорский: символы

существуют как символы (а не как вещи) только внутри *интерпретаций* (Мамардашвили, Пятигорский 1997). Полагаем, что политическая *интерпретация* в рамках истории революционного движения России делает оппозицию белого и красного цветов *символьно* нагруженной, что отражается в языке появлением отдельных семем соответствующей семантики.

Случаи символьной семантики встречаем и в английском языке, однако, в иной оппозиции цветов: *blue* и *red*. Американский вариант английского оперирует словосочетаниями *blue state* VS *red state*. Государственный флаг США выполнен в трех цветах: красном, синем и белом. Два из них используются для номинации политически оппозиционных сил (*blue* для демократов и *red* для республиканцев), соответственно штат, в котором на всеобщих президентских выборах выигрывает представитель той или иной партии, обозначается как *blue state* или *red state*. В этом случае «интерпретация», о которой писали Мамардашвили и Пятигорский, иная, а значит, и символизм иной. Красный более не символизирует кровь, пролитую в борьбе пролетариата. Здесь символизм синего и красного весьма условен и служит для дифференциации двух ведущих политических партий США: Республиканской, чей неофициальный цвет – красный, и Демократической, чей цвет – синий. Существует неточное представление, что такая цветовая символика является отголоском Гражданской войны Севера и Юга США (1862-1965), в которой сторонники конфедерации южане (сегодняшние Демократы) сражались с северянами (сегодняшние Республиканцы). В Википедии читаем, что «синий цвет на политической карте США в конце XIX в. (1888г.) использовался для представления Республиканцев, что могло быть отголоском Гражданской войны, во время которой преимущественно *республиканский* Север считался *синим*». Мы предполагаем, что такая цветовая символика была мотивирована метонимическим переносом: униформа армии Северян действительно была синего цвета. Униформа Южан была серого цвета. С тех пор противостояние двух сил в Гражданской войне США *символьно* обозначается как “*the Blue and the Gray*” (См.: Jordan, Litwack 1991).

Однако проблема в том, что сегодняшняя Республиканская партия имеет символику не синего (как во времена Гражданской войны), а красного цвета. А синий цвет в сегодняшней политической символике США репрезентирует Демократов. По утверждению Википедии, эта цветовая оппозиция «распространилась на дифференциацию между штатами, которые воспринимаются как либеральные (*blue*) и консервативные (*red*)».

В сегодняшней Америке политическая борьба в основном происходит между представителями Республиканцев и Демократов, и в ходе выборов ее состязательный ход отражается публикацией карты США, на которой каждый штат окрашен в тот или иной цвет в зависимости от победы в нем представителя одной из этих сил. Такая интерпретация символики цвета отражена в языке и проявляется в наличии отдельных семем: *red* [relating to a *red state*, tending to support Republicans in general election]; *blue* [relating to a *blue state* (politics), tending to support Democrats in general elections]. Каких-либо культурологически обоснованных отголосков в символьной се-

мантике *blue* и *red (states)* мы не обнаружили, не исключено, что ее там нет и противопоставленность двух цветов продиктована чисто прагматическим фактором: необходимостью наглядного, эмблематичного различения двух противостоящих политических сил.

В целом очевидно, что *закрепленная в системе языка* символическая семантика цветообозначений затрагивает ограниченный набор цветов (*красный, белый, синий*). В сегодняшнем узусе имеет хождение и символическое значение номинаций *зеленого* цвета. Партия зеленых является активной политической силой во многих странах мира. Однако общеязыковые словари английского, украинского и русского языков еще не ввели соответствующую семему в перечень лексикографических данных при толковании лексем *green, зеленый, зелёный*.

Выводы.

Сенсорная лексика, анализируемая в нашем исследовании (в цикле из трех статей), – это адъективные единицы английского, украинского и русского языков, вербализующие кванты чувственной (сенсорной) информации. К таким квантам относятся ощущения, получаемые по каналам двух модальностей: густаторной (ощущения вкуса) и визуальной, а именно колористической (восприятие цвета). Имена прилагательные густаторной и колористической семантики демонстрируют большой потенциал семантической деривации в процессе развития языка. Подавляющее большинство соответствующих лексем (85% общей выборки из 40 словарных единиц) – это лексемы-полисеманты. В рамках данной публикации рассмотрены *оценочная, метафорическая* и *символическая* мотивация семантического расширения соответствующих слов, которая изучена в культурологическом, психолингвистическом и когнитивном ракурсах.

Густаторный код человеческого восприятия и вербального означивания окружающего мира коррелирует с базовыми, *физиологическими потребностями* человека (по Маслоу), в частности с потребностями в пище и питье. Вкусовые ощущения по свидетельству физиологов возникают первыми в процессе онтогенеза человека и впоследствии горький, сладкий, кислый, солёный вкусы достаточно четко коррелируют с оценкой вкусно/невкусно. Мы делаем предположение, что совокупность этих двух факторов служит объяснением, почему единицы данной микрогруппы во всех трех языках оказываются гомогенно (100%) полисемичными и оценочно коннотированными, преимущественно с оценкой (–), которая совпадает во всех языках.

Колористический код менее гомогенен, не все единицы данной микрогруппы полисеманты, оценочность производных единиц варьирует от знака (+) к знаку (–) и от языка к языку. Метафоричность лексических единиц английского, украинского и русского языков, изначально номинирующих цвет, не столь всеохватна, как единиц вкусовой семантики, и достаточно пестра от языка к языку. Поиски метафорической мотивации в развитии семантики сенсорных прилагательных представляют значительную сложность, мотивация нередко затемнена. В этом ее отличие от метонимической мотивации.

Исключительной особенностью колористических прилагательных является увеличение полисемии за счет появления семем с **символьной** семантикой. Словари регистрируют немногочисленные случаи таких единиц. В нашей выборке они образуют оппозитивные пары для обозначения противостоящих друг другу политических сил или движений. Среди разнообразия цветообозначений (28 словарных статей по трем языкам) символьными оказываются только пары, называющие цвета *красный VS белый* (*красное движение VS белое движение* в революции 1917 г. в России) и *red VS blue* (*red states VS blue states* в политической жизни современных США).

Лингвокогнитивный ракурс изучения сенсорной лексики помог обосновать необходимость выделения образа-прототипа для каждого вербального означивания кванта чувственной информации. Таковым является прототипический объект, носитель соответствующей чувственной характеристики, поскольку *вкус* или *цвет* в реальности не существует вне связи с **объектом** соответствующего вкуса или цвета. Полагаем, что такая связь закреплена филогенетически, обусловлена географическими и культурно-историческими особенностями становления этноса и его языка. Поэтому в словарной дефиниции абстрактность прилагательных, номинирующих вкус и цвет, уравнивается номинацией более конкретного объекта, который мы называем **сенсорным образом-прототипом**: *красный* [цвета крови], *кислый* [имеющий вкус лимона].

Расширение фактографической базы выполненного исследования за счет изучения лексических номинаций квантов чувственной информации иных модальностей (к примеру, ольфакторной, акустической, кинестетической) является перспективой дальнейших поисков в области семантики сенсорной лексики разных языков.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник./ Общ. Ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С.5-32.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд-е 3, стереотип. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
- Карвасарский Б.Д. Клиническая психология. 2004. URL: <http://koob.ru>
- Колегаева І.М. Ще раз про роль сигнальних систем в пізнанні і означенні світу, або чому течуть слинки при слові *лимон* // Записки з романо-германської філології. / Одеський національний університет імені І.І.Мечникова: ф-т романо-германської філології. Вип. 2 (39). Одеса: КП ОМД, 2017. С. 39-47.
- Колегаева І.М. Сенсорная метафора и синестезия как языковой феномен: лингвокогнитивный аспект. Статья 1. // Записки з романо-германської філології. / Одеський національний університет імені І.І.Мечникова: ф-т романо-германської філології. Вип. 2 (41). Одеса: КП ОМД, 2018. С. 56-66.
- Колегаева І.М. Сенсорная метонимия как языковой феномен: лингвокогнитивный и лингвокультурологический аспекты. Статья 2. // Записки з романо-германської філології. / Одеський національний університет імені І.І.Мечникова: ф-т романо-германської філології. Вип. 1 (42). Одеса: КП ОМД, 2019. С. 42-55.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М. Наука, 1993. Режим доступа: losev_aleksey_ocherki_antichnogo_simvolizma_i_mifologii_.pdf

- Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизически размышления о сознании, символике и языке /Под общей редакцией Ю. П. Сенокосова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. URL: <http://psylib.org.ua/books/mampg02/index.htm>.
- Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. 1-е. Москва: Айрис-Пресс, 2007. 656 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры //Теория метафоры: Сборник./ Общ. Ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С.68-81.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Спб.: Издательство Питер, 2002. 720 с.
- Уилрайт Ф. Метафора и реальность //Теория метафоры: Сборник./ Общ.Ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 82-109.
- Фельдман Д. Красные белые: советские политические термины в историко-культурном контексте // Вопросы литературы: Журнал. 2006. № 4.
- Austin J. L. Sense and Sensibility / ed. G.J. Warnock. Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Aristotle. On Sense and the Sensible / Translated by J. I. Beare eBooks@Adelaide 2004.
- Maslow A. "A Theory of Human Motivation"// *"Psychological Review"*. 50 (4), 1943. P. 370–396.
- Jordan W.D., Litwack L.F. The United States/ 7th ed. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1991.
- Maslow A. "Motivation and Personality". NY: Harper, 1954.
- https://en.wikipedia.org/wiki/Red_states_and_blue_states
- Этимологический словарь русского языка (М.П. Фасмер) URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/fc/slovar-195-4.htm>

References

- Arutjunova, N.D. (1990). Metafora i diskurs. In Teorija metafory: Sbornik./ Obshh. Red. N.D. Arutjunovoj i M.A. Zhurinskoj. M.: Progress, 5-32.
- Vol'f, E.M. (2006). Funkcional'naja semantika ocenki. Izd-e 3, stereotip. M.: KomKniga.
- Karvasarskij, B.D. (2004). Klinicheskaja psihologija. URL: <http://koob.ru>
- Kolegaeva, I.M. (2017). Shhe raz pro rol' signal'nih sistem v piznanni i oznachenni svitu, abo chomu techut' slinki pri slovi limon. In Zapiski z romano-germans'koj filologii. / Odes'kij nacional'nij universitet imeni I.I.Mechnikova: f-t romano-germans'koj filologii. Vip. 2 (39). Odesa: KP OMD, 39-47.
- Kolegaeva, I.M. (2018). Sensornaja metafora i sinestezija kak jazykovoju fenomen: lingvokognitivnyj aspekt. Stat'ja 1. In Zapiski z romano-germans'koj filologii. / Odes'kij nacional'nij universitet imeni I.I.Mechnikova: f-t romano-germans'koj filologii. Vip. 2 (41). Odesa: KP OMD, 56-66.
- Kolegaeva, I.M. (2019). Sensornaja metonimija kak jazykovoju fenomen: lingvokognitivnyj i lingvokul'turologicheskij aspekty. Stat'ja 2. In Zapiski z romano-germans'koj filologii. / Odes'kij nacional'nij universitet imeni I.I.Mechnikova: f-t romano-germans'koj filologii. Vip. 1 (42). Odesa: KP OMD, 42-55.
- Kubrjakova, E.S. (2004). Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Losev, A.F. (1993) Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii. M. Nauka. URL: losev_aleksey_ocherki_antichnogo_simvolizma_i_mifologii_.pdf
- Mamardashvili, M. K., Pjatigorskij, A. M. (1997). Simvol i soznanie. Metafizicheski razmyshlenija o soznanii, simbolike i jazyke /Pod obshhej redakciej Ju. P. Senokosova. M.: Shkola «Jazyki ruskoj kul'tury», 1997. URL: <http://psylib.org.ua/books/mampg02/index.htm>.
- Mel'gunov, S. P. (2007). Kak bol'sheviki zahvatili vlast'. 1-e.Moskva: Ajris-Press.
- Ortega-i-Gasset, H. (1990). Dve velikie metafory. InTeorija metafory: Sbornik./ Obshh. Red. N.D. Arutjunovoj i M.A. Zhurinskoj. M.: Progress, 68-81.
- Rubinshtejn, S.L. (2002). Osnovy obshhej psihologii. Spb.: Izdatel'stvo Piter.
- Uilrajt, F. (1990). Metafora i real'nost'. In Teorija metafory: Sbornik./ Obshh.Red. N.D. Arutjunovoj i M.A. Zhurinskoj. M.: Progress, 82-109.
- Fel'dman, D. (2006). Krasnye belye: sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kul'turnom kontekste // Voprosy literatury: Zhurnal. № 4.
- Austin, J. L. (1962) Sense and Sensibility / ed. G.J. Warnock. Oxford: Oxford University

Press.

Aristotle (2004). On Sense and the Sensible / Translated by J. I. Beare eBooks@Adelaide.

Maslow, A. (1943). A Theory of Human Motivation. In "Psychological Review". 50 (4), 370–396.

Jordan, W.D., Litwack, L.F. (1954). The United States/ 7th ed. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc.

Maslow, A. (1954). Motivation and Personality. NY: Harper.

https://en.wikipedia.org/wiki/Red_states_and_blue_states

Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka (M.R. Fasmer) URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/fc/slovar-195-4.htm>

Стаття надійшла до редакції 7.10.2019 року